

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Баглюк Сергей Борисович

кандидат филос. наук, доцент,

Академия постдипломного образования

Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный научно-клинический центр специализированных видов медицинской помощи и медицинских технологий Федерального медико-биологического агентства», г. Москва

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE GEOPOLITICAL ASPECT

Baglyuk Sergey

candidate of doctor of philosophy sciences, associate professor,

Academy of postgraduate education of the

Federal state budget

institutions "Federal scientific and clinical center of specialized types of medical assistance and medical technologies of the Federal medico-biological Agency", Moscow

Аннотация

Данная работа рассматривает ценностные критерии кросс-культурных коммуникаций применительно к принципам геополитики. Основываясь на компаративной методологии, подчеркиваются устойчивые взаимосвязи между внешнеполитическими процессами и различиями в ценностях, выражаемых отдельными культурами. Также отмечается постоянно присутствующая высокая значимость культурного самоопределения для каждого народа, сопротивляющегося навязчиво декларируемым принципам глобализации.

Abstract

This paper examines the value criteria of cross-cultural communications in relation to the principles of geopolitics. Based on a comparative methodology, the author emphasizes the stable relationships between foreign policy processes and differences in values expressed by individual cultures. There is also a constant high significance of cultural self-determination for every nation that resists the obsessively declared principles of globalization.

Ключевые слова: ценности; геополитика; кросс-культурная коммуникация; глобализация.

Keywords: values; geopolitics; cross-cultural communication; globalization.

Главным направлением динамики и развития любой коммуникации является точность и адекватность передачи, получения и интерпретации информации между субъектами коммуникативного процесса. Кросс-культурная составляющая коммуникативных процедур задействует также и взаимопонимание как результат обоюдной приемлемой и достаточной интерпретации. Существенным моментом становятся смысловые оттенки, которые приобретают отдельные сообщения при обмене данными информационными единицами, и стремление сторон взаимодействия охватить наиболее значимые, важные, первостепенные из этих оттенков для соответствующей коммуникативной ситуации.

Вместе с тем, в этой кросс-культурной модели присутствуют элементы, которые затрудняют достижение желаемых или подразумеваемых итогов, несмотря на общее понимание сторонами коммуникации всякий раз особых обстоятельств

такого типа общения. Среди таких обстоятельств, в первую очередь, можно выделить: языковой барьер; уровень взаимодействия (формальный/неформальный); продолжительность (временные рамки); цели. Эти критерии позволяют скорректировать намерения и возможности общающихся сторон, но здесь следует учитывать культурно обусловленные семантические аспекты, которые отчетливо проступают после того, как языковой барьер преодолен. Отмеченная культурная обусловленность реализуется в ценностном наполнении этого общения. И термины, применяемые для обозначения международных реалий и процессов, имеют также культурно-географические границы, как и ценностные принципы для каждого отдельного народа.

Одним из специфичных результатов развития западноевропейской общественно-политической мысли вт. пол. XIX – нач. XX вв. стала геополитика как область исследований материальных,

социальных и моральных ресурсов государства [1, С. 180]. Причем, важно отметить, что изучение «геополитического потенциала» предполагает высокий уровень интенсивности контактов с той культурой, народом, обществом, которая становится объектом пристального внимания со стороны условного внешнего исследователя. Разумеется, геополитика не ограничивается только тем, что лежит за пределами государства или державы, специалисты и эксперты которой собирают данные о ближнем и дальнем зарубежье. Пристальный интерес вызывает и собственная внутрикультурная ситуация, то, что связано с сильными и слабыми сторонами национальной экономики, внутривосточными процессами. Но отчетливо прослеживаемая экспансионистская тематика в геополитике, заложенная К. Хаусхофером, затем продолженная А.Т. Мэхэном [1, С. 180], не оставляет иллюзий относительно основных целей данной области теории и практики.

Когда в качестве отправного пункта изучения других народов и культур постулируется «извечный антагонизм» между определенным типом державами, напр., морскими и сухопутными, то дальнейшие обстоятельства взаимодействия представителей отдельных государств, по большей части не на туристическо-бытовом, а на официально-деловом уровне, имплицитно содержат поиск способов ослабления, подчинения и контроля тех обществ, где в наличии привлекательный упомянутый выше «геополитический потенциал» и нестабильная внутривосточная обстановка (а если стабильная, исследуется возможность лишить её таковой стабильности). Отдельный момент, который необходимо отметить в указанном выше контексте, представляет собой то, что имеет отношение к глобализации.

Данный процесс и явление, «связанное с доминированием рынка и неолиберальных форм демократии, часто насильственно навязываемых миру» [3, С. 471], предполагает последовательную нивелировку любых аспектов культурной специфики [3, С. 471], несмотря на декларацию «мультикультурализма». Принцип многообразия культур в данном случае становится инструментом внешнеполитического влияния для провоцирования сепаратистских настроений под прикрытием «права каждого на культурное самоопределение». Таким образом, ценности, определяющие особенности и принципы кросс-культурной коммуникации, становятся геополитическим ресурсом, направляемым на актуальных условных «партнеров» для реализации целей подчинения, навязывания противоречащих внутрикультурным традициям правил и установок, влияния на сознание, прежде всего, молодого поколения (по причине, слабой, в силу возраста, сформированности ценностных критериев и установок).

Н.Я. Данилевский, определяя черты национального характера различных народов, среди таких свойств, напр., присущих «народам

романо-германского типа» выделял «насильственность» [2, С. 216]. «Насильственность... есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мысли, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мысли, всякий иной интерес должен ему уступить, волей или неволей, как неравноправный ему» [2, С. 216]. Данная характеристика созвучна более поздним исследованиям, проведенным, в частности, Г. Хофстеде [5, Р. 135], и дополненным впоследствии [4, Р. 181].

Хофстеде предложил ряд специфичных черт, которые одновременно можно считать и тем, что Н.Я. Данилевский относил к национальному характеру, и тем, что проявляет себя в культурных ценностях. Ценности представляют собой важнейшие элементы и регуляторы взаимоотношений между людьми. Добро, честность, вежливость, гордость, самоуважение, уважение к другим и т. д. - наиболее существенные компоненты общения, где бы оно не осуществлялось, внутри культуры или между представителями различных культур. Среди таких параметров кросс-культурной коммуникации Г. Хофстеде предложил: «индивидуализм/коллективизм»; «дистанция власти»; «избегание неопределенности»; «маскулинность/феминность» [5, Р. 135]; позднее китайские исследователи дополнили предыдущие характеристики ещё одной оппозиционной парой «долгосрочная/краткосрочная ориентация во времени» [4, Р. 181]. Далее, более подробно о том, какой смысл приобретают данные культурные параметры в геополитическом контексте.

Ценности, отражающие принципы индивидуализма или коллективизма, акцентируют либо только собственные успехи и достижения, либо выгоды, разделяемые с группой. Здесь важно зафиксировать, что принципы индивидуализма размывают коллективную идентичность, предполагая для каждого право собственного выбора решать, кем стать, кем быть и как жить. Напр., США представляют наиболее очевидный вариант культурно и законодательно обусловленного индивидуализма. Массовое искусство Северной Америки посредством ТВ, кинематографа, комиксов закрепило образ «героя-одиночки», иногда обладающего сверхспособностями, и выполняющего функцию борьбы с несправедливостью где угодно на земном шаре. Основные ценностные параметры индивидуализма – самореализация; каждый имеет уникальный талант и потенциал; раскрытию этого потенциала и важно посвятить жизнь [5, Р. 136].

Азиатские и африканские культуры больше ценят групповое сотрудничество. В культурах коллективистского типа важно достигать целей, разделяя выгоды от этого достижения с другими представителями коллектива, а не узурпируя все блага лично. Напр., в Кении особенно в цене групповое взаимодействие, никто индивидуально

не изолирован, личностная уникальность – второстепенный факт [5, Р. 136].

Можно отметить, что в геополитическом отношении, индивидуализм более экспансивен, т.к. одним ценностных критериев в нём является конкуренция, борьба за личные преимущества и выгоды, поэтому в кросс-культурных взаимодействиях, представители индивидуалистических культур (таких как США, Великобритания, Бельгия, Дания, Канада, Австралия) стремятся навязать свою точку зрения, поставить другую сторону в мене выгодное и подчиненное положение. Однако, при этом, нельзя считать коллективистские культуры (такие как Китай, Индия, Вьетнам, Арабские страны) полностью миролюбивыми и чуждыми экспансионизма. Ведь одним из экстремальных проявлений геополитики (не только) становятся войны. Феномен войны в человеческой истории можно считать культурной универсалией, т. к. вне зависимости от разделяемых ценностей индивидуализма и коллективизма, Запад и Восток в сопоставимой мере прошли по этому пути в предшествующие исторические периоды, продолжают идти и на современном этапе, меняются лишь характеристики войн, теперь они уже становятся информационными и/или гибридными. При этом, в коллективистских культурах, коммуникативные ориентиры более склоняются в сторону поддержания гармонии в общении, отказа директивно навязывать собственную точку зрения, иносказательного выражения мыслей и намерений во избежание даже намека на возможную обиду или нечаянное оскорбление другой стороны. С геополитических высот, это слабая позиция, слишком мягкая и неуверенная, поэтому вероятность давления и напора с целью сломить иную точку зрения возрастает.

Данный аспект непосредственно связан со следующим ценностным критерием, отмеченным Хофстеде – дистанцией власти. Распределение властных прерогатив по-разному воспринимается представителями отдельных культур. Западноевропейская общественно-политическая мысль, а вслед за ней и общественное мнение, ценят равноправие. Считается, что власть доступна всем, кто добивается её законным способом в форме права избирать и быть избранным. Индивидуалистические культуры настаивают на равномерном распределении власти между всеми гражданами, по крайней мере на уровне формальных законодательных деклараций. В случае, если в культуре акцентированы ценности коллективизма, считается вполне законным неравное распределение властных прерогатив. В Индии, на Филиппинах, в Индонезии рассматривается важным сохранение четкой иерархии власти, где вертикаль полномочий представляет лишь определяемой традицией части общества право руководства и управления [5, Р. 136-137]. Геополитический формат данных ценностных отличий позволяет под видом распространения

демократических свобод деформировать традиционалистский порядок, с негативными последствиями для тех обществ, которым делается «прививка» демократии. Ценности так легко не изменяются и не конвертируются одни в другие, заимствование, напр., западного образа жизни для неевропейских культур возможно лишь поверхностное – массовое искусство, мода, кухня. Более глубинные ценностные основы резко сопротивляются попыткам их видоизменить.

Избегание неопределенности, следующий ценностный элемент, предложенный Хофстеде, фиксирует степень сопротивления незнакомому и чуждому в культуре. Традиционализм, представленный коллективистскими культурами, более ригористичен в отношении непривычных и подозрительных для сложившихся стереотипов культурных веяний и настроений. Индивидуалистические культуры считают себя оплотом толерантности и апологии культурного многообразия, но под жестким контролем соблюдения прав человека, отношение к которым не одинаково во всех частях света, о чём говорит следующая далее ценностная характеристика.

Мужские и женские ценности в культурах представлены крайне неоднозначно, поэтому атрибуция культур на «маскулинные» и «феминные» дискуссионна. Считается, что «мужскими» являются ценности - «доводить начатое до конца», «настойчивость»; «женские» ценности – «выстраивание отношений», «поиск гармонии во взаимодействии окружающими» [5, Р. 137]. Данные ценностные параметры исторически и социально обусловлены, и здесь важно учитывать, что каждая культура содержит то или иное сочетание «маскулинного» или «феминного». Маскулинные культуры придерживаются более традиционного распределения социальных ролей среди мужчин и женщин. Для обоих полов в данных культурах важны успех, героизм, материальное благополучие, стремление к достижению целей [5, Р. 137]. В феминных культурах также оба пола стремятся к заботе об обездоленных, большему проявлению сочувствия к окружающим, улучшению общего качества жизни [5, Р. 137]. Все эти свойства крайне сложно отнести к конкретным культурам, где все они в разных пропорциях представлены вне зависимости от индивидуализма, коллективизма, дистанции власти или избегания неопределенности. Однако, в геополитическом ключе, пропагандируемое в качестве элемента глобализации, стремление к гендерному равноправию, становится инструментом вмешательства в традиционные установления ряда культур и государств, напр., в исламском мире, где крайне отрицательно воспринимается любая попытка либерализации нравов.

Исследования Г. Хофстеде неоднозначных ценностных основ кросс-культурных коммуникаций в дальнейшем получили ряд дополнений, связанных в частности с тем, что предложенная им классификация культурных

сходств/различий выглядела слишком «европейской» точкой зрения [4, Р. 181], которой, следовательно, не хватало объективности или взгляда со стороны исследователей, представляющих те культуры, которые были обозначены как коллективистские. Китайские исследователи предложили ещё один ценностную пару – «долгосрочная/краткосрочная ориентация во времени». С их точки зрения это измерение культурных процессов характеризует отношение обществ и народов к нравственности и истине. Краткосрочная ориентация проявляется себя в культурах, представители которых стремятся обрести одну фундаментальную истину, что отражают монотеистические религии: иудаизм, христианство, ислам. Другими качествами, которые могут быть отнесены к краткосрочной ориентации, становятся желание достичь быстрых результатов, индивидуализм, личный комфорт и безопасность [4, Р. 181]. В противоположность, долговременная ориентация подчеркивает важность нравственности, что реализуется в установках восточноазиатских (политеистических) религий – конфуцианства, индуизма, буддизма, синтоизма. Качествами, отражающими долгосрочную ориентацию, являются бережливость, настойчивость, упорство в различных стремлениях и высокая самодисциплина на пути к достижению важнейших целей [4, Р. 181].

Представленные параметры кросс-культурных взаимодействий, касающиеся долго- и краткосрочности, значительно усложняют процесс атрибуции культур, т.к. монотеистические иудаизм и ислам формируют коллективистские культурные традиции, в отличие от христианства, где разнообразие течений противопоставляет друг другу общинность и протестантский принцип *sola fide*, согласно которому каждый верующий способен самостоятельно искать ответы в священных текстах. В этом контексте, геополитическая составляющая фиксирует важность моральных ресурсов, которые объединяют людей важнейшими сакральными представлениями, воздействие на которые позволяет людьми управлять.

Впоследствии изучение свойств и качеств кросс-культурных коммуникаций не избежали идеологической тенденциозности, проявившейся в оценочных суждениях относительно степени близости к передовым культурным установкам (передовым в североамериканском и западноевропейском смыслах) тех обществ, которые, по мнению отдельных исследователей, можно ранжировать соответствующим образом. Один из соавторов Хофстеде, М. Минков, предложил дополнить перечень кросс-культурных характеристик парой «удовольствие/ограничение» [4, Р. 181]. Это соотношение основано на субъективном для представителей отдельных культур ощущении счастья. С данной точки зрения, люди могут в принципе не быть счастливы и здоровы, но утверждать, что чувствуют себя таковыми [4, Р. 181]. Народы и культуры, которые

можно отнести к ставящим удовольствие прежде всего (Мексика; Нигерия; Швеция; Австралия), склонны допускать относительно свободное удовлетворение потребностей с акцентом на наслаждении жизнью и веселье. Представители таких культур полагают, что важно иметь много друзей (в т.ч. на Facebook), активно заниматься спортом и игнорировать строгую мораль [4, Р. 181]. Общества и культуры, представители которых склоняются к ограничениям (Россия; Египет и другие исламские страны; Китай; Индия), строго контролируют удовлетворение потребностей и регулируют эту процедуру суровыми социальными нормами. Здесь иметь много друзей рассматривается менее важным, больше ценится просмотр спортивных состязаний, нежели занятия спортом, и серьезное отношение к работе [4, Р. 181-182]. В странах, где удовольствие прежде всего, особенно важна свобода слова, поддержание порядка на втором месте; в свою очередь в странах, где ценятся ограничения, сохранение порядка значит больше, чем предоставление свободы слова [4, Р. 182].

Этот ракурс рассмотрения кросс-культурной проблематики наглядным образом демонстрирует, как предпочтения исследователей отражаются в представляемых ими данных. Любые элементы западного образа жизни видятся более привлекательными, чем мрачноватые установки представителей культур, опутанных ограничениями. В таком контексте, геополитические аллюзии становятся неизбежным спутником любых выводов, претендующих на беспристрастность, т.к. скрытые намеки на то, что если бы эти культуры с ограничениями были чуть либеральнее, то для народов, которые являются их частью, было бы только лучше. Однако, здесь (и вообще, где бы то ни было) не следует смешивать науку с идеологией. Глобализация – это идеология, которая деформирует процесс культурного самоопределения, причем использует научные данные, чтобы усилить воздействие на отдельные народы и государства.

Поэтому, в качестве заключения можно отметить следующее:

- Кросс-культурные коммуникации можно использовать как инструмент геополитики с целью вмешательства во внутреннюю жизнь любой культуры и общества;

- Геополитика, как порождение западноевропейского образа мыслей, призвана служить идеологическим обоснованием прав одних субъектов международных отношений навязывать свою точку зрения другим субъектам международных отношений;

- Культурное самоопределение для каждого народа и государства, т.е. поддержание, сохранение, синхронная (в рамках одного поколения) и диахронная (межпоколенная) трансляция базовых ценностей внутри определенной культуры, частично блокирует внешние воздействия геополитического типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. – Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011.
3. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – Т. 1.
4. Alberts Jess K., Nakayama Thomas K., Martin Judith N. Human communication in society – 5th Ed. – Hoboken: Pearson Education, 2019.
5. Beebe Steven A., Beebe Susan J, Ivy Diana K. Communication: principles for a lifetime – 6th Ed. – Boston: Pearson Education, 2016.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Орлова Елена Викторовна

аспирант

*Московский государственный областной университет
г. Москва*

THE ROLE OF STATE AND OTHER SOCIAL INSTITUTIONS IN SHAPING THE POLITICAL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE

Orlova Elena Viktorovna

graduate student

*Moscow State Regional University
Moscow*

Аннотация

Данная статья посвящена роли государственных, социальных институтов, семьи, политических партий в формировании политических предпочтений современной молодежи. Выявлена значимость воспитательного аспекта в формировании политических предпочтений молодежи и в осуществлении молодежной политики, а также показана возрастающая роль средств массовой коммуникации и социальных сетей в данных процессах.

Abstract

This article is devoted to the role of State, social institutions, the family and political parties in shaping the political preferences of modern youth. The importance of the educational aspect in shaping the political preferences of young people and in the implementation of youth policy has been revealed, as well as the increasing role of mass communication and social networks in these processes.

Ключевые слова: молодежная политика; образование; воспитание; социальные институты; молодежь.

Key words: youth policy; education; education; social institutes; youth.

Формирование политических предпочтений молодежи особенно в условиях современного информационного общества достаточно сложный и многогранный процесс. Данный процесс осложняется стремительностью изменений сопровождающих развитие информационного общества, скоростью распространения информации, которая не всегда является проверенной и достоверной. Когда мы говорим, о формировании политических предпочтений молодежи, то должны учитывать поколенческие особенности и изменение роли и места молодежи в современном обществе, но также представляется целесообразным остановиться на роли государственных и иных институтов, которые, так или иначе, участвуют в процессе формирования политических предпочтений современной молодежи.[1] В настоящее время государство выступает главным и фактически единственным координатором направления молодежной политики в Российской Федерации. Долгое время российский

социум недооценивал, а подчас и игнорировал возможность реального и потенциального влияния молодежи на ход ряда общественно-политических процессов. Однако, события лета 2019 года, показали обратное. В протестных акциях, которые прошли в Москве, более 80 % участвующих были представители молодого поколения.

В этой связи перед государственной властью ставятся дополнительные задачи по формированию не только жизнеспособного подрастающего поколения, но и поколения, которое будет развивать и приумножать достижения последних десятилетий – важнейшая стратегическая задача страны, особенно в условиях глобализации и внешних вызовов и угроз современной России. Молодежь выступает объектом национально-государственных интересов и одним из важных факторов успешного политического развития России. Следует отметить, в настоящее время государственная молодежная политика переживает инновационный этап.